

Петр Владимирович Мошечков

Кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт славяноведения РАН, Москва, Россия. 119334, Ленинский проспект, 32А. E-mail: pmoshechkov@yandex.ru

Чехословакия и СССР в 1933 — июне 1934 г.: на пути к установлению дипломатических отношений

Статья посвящена одному из малоисследованных в современной отечественной историографии аспектов — истории нормализации советско-чехословацких отношений в 1933–1934 гг. В ней предпринята попытка рассмотреть ход переговоров по данному вопросу, проводившихся на высшем уровне между правительствами Чехословакии и СССР. Равным образом освещаются и обстоятельства, способствовавшие установлению между странами 9 июня 1934 г. дипломатических отношений. В ходе проведенного исследования удалось выяснить, что наметившийся с конца февраля 1933 г. новый этап сближения Чехословакии с Советским Союзом происходил на фоне серьезных сдвигов в европейской политической системе, вызванных усилением позиций нацистской Германии и одновременно началом ослабления Французской Республики, являвшейся союзницей ЧСР. Это вынудило правительство страны заняться поиском новых дипломатических комбинаций. На протяжении всего процесса переговоров шаги, предпринимавшиеся правительственными кругами и дипломатами обеих стран, характеризовались крайней осторожностью, а принятие ими тех или иных решений колебалось в зависимости от изменения обстановки в европейской политике. Нельзя не отметить и тот факт, что важную роль в формировании взглядов чехословацкого правительства и чехословацкого МИД на проблему установления нормальных отношений с Советским Союзом играла и их ориентация на позиции, занимаемые по данной проблеме союзниками Чехословакии по Малой Антанте — Румынией и Югославией. Статья основана на материалах фондов Архива внешней политики Российской Федерации и Архива Министерства иностранных дел Чешской Республики, часть из которых была опубликована в сборниках «Документы внешней политики СССР» и «Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений», а также изданном в 2002 г. современным чешским исследователем Й. Деймеком сборнике циркулярных телеграмм министра иностранных дел Чехословакии Э. Бенеша.

Ключевые слова: советско-чехословацкие отношения, советско-французские отношения, Восточный пакт, Лондонские конвенции, Лига Наций, Министерство иностранных дел Чехословацкой республики, Народный комиссариат иностранных дел СССР

Цитирование: *Мошечков П.В.* Чехословакия и СССР в 1933 — июне 1934 г.: на пути к установлению дипломатических отношений //

Центральноевропейские исследования. 2021. Вып. 4(13) / гл. ред. О. В. Хаванова. М.: Институт славяноведения РАН; СПб.: Нестор-История, 2021. С. 242–272. DOI: 10.31168/2619-0877.2021.4.10.

Одной из ключевых и актуальных тем в современной отечественной историографии является исследование международных отношений накануне и в годы Второй мировой войны. Среди них особое место занимает история нормализации отношений между СССР и Чехословакией и заключения 16 мая 1935 г. договора о взаимной помощи. Значительная часть авторов, писавших по данной тематике, сконцентрировала внимание на обстоятельствах его подписания на фоне проводившихся параллельно переговоров о франко-советском сотрудничестве и Восточном пакте¹. В современной чешской и словацкой историографиях анализ проблемы дан, в первую очередь, в трудах А. Климека и Э. Кубу, Й. Деймека и Б. Ференчуговой². Из последних работ, затрагивающих вопросы советско-чехословацких отношений в 1933–1935 гг., следует особо выделить книгу В. В. Марьиной «Второй президент Чехословакии Эдвард Бенеш: политик и человек, 1884–1948»³, а также вышедшую в 2019 г. монографию Э. Ворачека, Д. Губены и Б. Литеры⁴. Вместе с тем исследователям не всегда в полной мере удавалось проследить ход переговоров между советскими и чехословацкими дипломатами на протяжении 1933–1934 гг.

Вопрос о нормализации отношений между Чехословакией и СССР был поднят уже в начале 1920-х годов. Кульминацией шедших между сторонами переговоров стало заключение 5 и 6 июня 1922 г. двух временных договоров (между ЧСР и Российской Социалистической Федеративной Советской Республикой и ЧСР и советской Украиной (УССР)). Их подписанием были фактически установлены дипломатические и консульские отношения между государствами, предусматривавшие в том числе создание представительств на их территориях. Однако заключение этих соглашений не предусматривало признания СССР Чехословакией *de jure*.

¹ Резонов 1952; Прасолов 1968; Петерс 1965; Кизченко 1972; Кен 1996; Кен 1997; Кен, Рупасов 2000.

² Dejmek 2001; Dejmek 2006; Ferencuhová 2006; Klímek, Kubů 1995; Král 1970; Lukeš 1999; Moulis 1965; Ort 1955; Olivová 1965.

³ Марьиная 2013.

⁴ Voráček, Hubený, Litera 2019.

Договоры получили законную силу в результате распоряжения Совета министров ЧСР от 7 августа 1922 г., но не были ратифицированы Национальным собранием из-за негативной позиции, занятой чехословацкими национальными демократами⁵.

На этом активная фаза переговоров о развитии советско-чехословацких отношений завершилась. Несмотря на то, что вопрос об углублении контактов между двумя странами ставился неоднократно в течение последующих лет, всякий раз принималось решение об отсрочке его реализации. В первую очередь, серьезным камнем преткновения на пути к официальному установлению дипломатических отношений между двумя странами были как политика чехословацкого правительства, направленная на поддержку проживающих в стране русских эмигрантов (так называемая русская акция), так и оказание помощи, в том числе и финансовой, чехословацким левым силам со стороны Коминтерна. Данные обстоятельства зачастую становились предметами резкой критики в прессе соответствующих стран, а также выдвигаемых ими в отношении друг друга официальных протестов. Не менее важным фактором было и кардинальное расхождение во взглядах среди представителей чехословацкой политической элиты на проблему советско-чехословацких отношений.

Не стоит упускать из виду и то обстоятельство, что чехословацкий МИД, политика которого в отношении Советского Союза характеризовалась исключительной осторожностью, следил за тем, как менялось отношение к этой стране у западных держав, в первую очередь Французской Республики, союзницы Чехословакии⁶, а также дипломатических кругов Румынии и Югославии. Так, вопрос о признании СССР *de jure* обсуждался всеми участниками Малой Антанты уже в 1923–1924 гг. На тот момент им удалось достичь договоренности о том, что каждая из стран решит вопрос об установлении отношений с Советским Союзом самостоятельно. В то время как Чехословакия была готова пойти на данный шаг, Румыния и Югославия выступили против принятия подобного решения. Для румынской стороны препятствием для налаживания контактов с Советским Союзом оставался вопрос о территориальной принадлежности

⁵ Станков 2007: 259–261; Voráček, Hubený, Litera 2019: 189.

⁶ Серапионова 2020: 149, 156.

Бессарабии⁷. В апреле 1924 г. был заключен румынско-французский договор, которым правительство Третьей республики признавало право Румынии на данную территорию. На состоявшемся в июле того же года совещании Малой Антанты представители румынской стороны заявили, что не пойдут на установление более тесных

---

⁷ 2 (15) декабря 1917 г. осуществлявший временное управление Бессарабией *Сфатул цэрий* (Краевой совет) заявил о создании Молдавской Народной Республики, являвшейся равноправным членом «единой Российской Федеративной демократической республики». 20 декабря 1917 г. на его закрытом заседании было принято решение о приглашении на территорию региона румынских войск под предлогом «обеспечения нормального функционирования тыла русско-румынского фронта», с чем выразили свое согласие и представители Антанты и США в Яссах. 6 января 1918 г. румынские войска начали переправу через Прут, в общей сложности в Бессарабию было переброшено 4 дивизии румынской армии. Совет народных комиссаров РСФСР воспринял эти действия румынской стороны как «военные действия против Российской республики», приняв в ответ решение о разрыве дипломатических отношений с Румынией. В середине февраля 1918 г. в Бессарабию начали продвижение части Красной армии, принимавшие до этого участие в освобождении Киева и разгроме Центральной рады. Их успешные действия вызвали тревогу у румынского правительства в связи с подъемом радикальных настроений в стране, большая часть которой находилась под оккупацией германских и австро-венгерских войск. В этих обстоятельствах новый премьер-министр Румынии генерал Александру Авереску (1859–1938) вступил в переговоры с советской стороной. 5–9 марта 1918 г. РСФСР и Румыния подписали соглашение, согласно которому последняя обязывалась вывести из Бессарабии войска в течение двух месяцев. Однако после того, как румынское правительство заключило 5(18) марта 1918 г. прелиминарный мир с Центральными державами, оно нарушило соглашение с РСФСР, пропустив германские и австро-венгерские войска на Украину и в левобережную Молдавию, тем самым отрезав Бессарабию от остальной территории РСФСР. Впоследствии актами от 27 марта (9 апреля) и 27 ноября (10 декабря) *Сфатул цэрий* принял решение о вхождении региона в состав Румынского королевства. Поскольку голосование происходило в условиях оккупации, страны Антанты на первых порах не объявили об официальном признании его результатов. Совнаркомы РСФСР и УССР выразили протест против румынской акции. Позже право Румынии на Бессарабию было признано Парижским (Бессарабским) протоколом от 28 октября 1920 г., подписанным представителями Великобритании, Франции, Италии, Румынии и Японии. Однако поскольку японская сторона не ратифицировала его, данное соглашение так и не вступило в силу. В дальнейшем данная проблема стала не только основным препятствием, тормозившим ход советско-румынских переговоров об урегулировании имеющихся между сторонами спорных вопросов и установлении дипломатических отношений, затянувшихся вплоть до июня 1934 г., но и серьезной помехой для отношений СССР с Польшей и Чехословакией, связанными с Румынией договорными обязательствами. См.: *Виноградов В. Н., Ерещенко М. Д., Семенова Л. Е., Покивайлова Т. А.* Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии. Документы и материалы. М.: Индик, 1996. С. 174–182; 252; 296.

контактов с СССР до тех пор, пока последний не признает Бессарабию частью Румынии⁸.

Новый этап сближения между СССР и Чехословакией в 1933–1934 гг. начался на фоне существенных сдвигов в системе международных отношений в Европе. Одним из факторов стал приход к власти в Германии в январе 1933 г. партии национал-социалистов и назначение канцлером А. Гитлера. Стремясь укрепить внешнеполитические позиции страны в тот момент, когда еще только начиналось восстановление германской военной мощи, Гитлер и его окружение обозначили в качестве одной из задач своего внешнеполитического курса подрыв действовавшей в Европе системы международных отношений⁹.

Вступление Германии на путь усиления позиций во внешней политике означало угрозу интересам Франции, на тот момент еще сохранявшей статус наиболее влиятельной из стран европейского континента. К тому моменту Третья республика уже не могла рассчитывать на поддержку со стороны Великобритании. Представители ее правящих кругов, придерживаясь политики «равновесия сил», на данном этапе постепенно начали прямо или косвенно поддерживать требования Германии, стремясь создать противовес преобладанию Франции на континенте¹⁰. Начавшееся ослабление ее позиций серьезно настораживало правительственные круги Чехословакии.

Другим государством, политика которого вызывала беспокойство у чехословацкого МИД, была Италия. Еще в октябре 1932 г. занимавший посты премьер-министра и министра иностранных дел страны Бенито Муссолини заявил в произнесенной в Турине речи о возможности стабилизации отношений на европейской дипломатической арене путем установления директории четырех держав: Германии, Италии, Великобритании и Франции. Предложенный им проект подобного соглашения обсуждался в марте 1933 г. во время переговоров с британскими премьер-министром Джеймсом Рамсеем Макдональдом (1866–1937) и министром иностранных дел Джоном Олсбруком Саймоном (1873–1954) в Риме, а затем — во время встречи последних с премьер-министром Третьей республики Эдуардом

⁸ Voráček, Hubený, Litera 2019: 201.

⁹ Случ 2007: 99.

¹⁰ Белоусова 1976: 146–148.

Даладье (1884–1970) и Жозефом Поль-Бонкуром (1873–1972). Очевидная направленность «пакта четырех» на пересмотр мирных договоров и осуществление их ревизии за счет восточных союзников Франции, равно как и согласие последней участвовать в обсуждении данного соглашения, стали неожиданностью для Праги и вызвали в чехословацких правительственных кругах серьезные опасения не только относительно позиций своей страны, но и судьбы всей Малой Антанты¹¹.

Поэтому неудивительно, что с начала 1933 г. чехословацкий МИД приступил к поиску новых дипломатических комбинаций. Согласно точке зрения его руководителя, Э. Бенеша (1884–1948), не допустить реализации экспансионистских планов Германии позволило бы только присутствие в Европе крупной коалиции союзных государств¹². В качестве одного из действенных инструментов, способного укрепить положение Чехословацкой республики и ее центрально-европейских союзников, Румынии и Югославии, на международной арене, Э. Бенеш рассматривал дальнейшее сплочение всех трех стран в рамках Малой Антанты. Еще 16 февраля 1933 г. в Женеве министры иностранных дел Югославии, Румынии и Чехословакии подписали Организационный пакт. Данная мера рассматривалась ими как важный шаг на пути к созданию союзнического блока, который мог обладать большим политическим весом в европейской системе международных отношений, что позволило бы организовать экономическое сотрудничество между странами Центральной Европы и стабилизировать территориальный *status quo*¹³.

Активную позицию чехословацкие дипломаты проявили и во время итальянско-британских и британско-французских переговоров в марте 1933 г. 22 марта 1933 г. на совещании в Женеве представители Чехословакии, Румынии и Югославии обсуждали возможные пути противостояния установлению в Европе директории Германии, Италии, Великобритании и Франции. В опубликованном через

¹¹ Кургуныян 1973: 19–23.

¹² Beneš E. Paměti. Praha: Academia, 2008. Sv. 1. S. 7–8; Voráček, Hubený, Litera 2019: 13.

¹³ Telegrafická zpráva E. Beneše ministerstvu zahraničních věcí a některým vyslanectvím ČSR, týkající obsahu nadcházející konference Malé Dohody // Beneš E. Cirkulární telegrámy, 1920–1935 / k vydání připravil J. Dejmek. Praha: Společnost Edvarda Beneše, 2002. S. 198–199; Ferencuhová 2000: 340.

несколько дней коммюнике Постоянный совет Малой Антанты заявил об «энергичном противодействии» входящих в блок стран любой ревизионистской политике со стороны западных держав¹⁴.

Параллельно чехословацкая дипломатия предприняла попытку сближения с Польшей, руководствуясь тем, что польская сторона в равной мере была встревожена переговорами по проекту «пакта четырех», в особенности обсуждением вопроса о ревизии восточных границ Германии. Учитывая возможность чехословацко-германского вооруженного столкновения, Э. Бенеш обратился к министру иностранных дел Польши Юзефу Беку (1894–1944) с призывом выработать общую линию внешней политики. Кроме того, он предложил польскому правительству заключить договор «о вечной дружбе», предусматривающий урегулирование всех споров, которые могли бы привести к антагонизму между двумя странами, отказ от применения политических действий, способных нанести ущерб интересам польской стороны, а также демилитаризацию польско-чехословацкой границы¹⁵. Однако расхождения позиций чехословацкого МИД с позицией польской стороны, намеревавшейся вступить в переговоры с западными державами в качестве равного партнера, и его уклончивая позиция в отношении сотрудничества с Польшей по «пакту четырех»¹⁶ вызвали опасения у польского руководства, что Чехословакия и ее партнеры по Малой Антанте присоединятся к «пакту четырех», а Польша останется в изоляции. Именно поэтому польская сторона вступила на путь переговоров с Германией¹⁷.

Происходившие на европейской политической арене изменения пристально анализировались и советским руководством. Подписание в декабре 1932 г. постановления конференции пяти держав, согласно которому правительства Великобритании, Франции и Италии выразили свое согласие с предоставлением Германии «равенства

¹⁴ Морозов 2004: 60–61.

¹⁵ Там же. С. 67–68.

¹⁶ Так, во время беседы с главой британского внешнеполитического ведомства Д. О. Саймоном, состоявшейся в Женеве 25 марта 1933 г., Э. Бенеш заявил, что создание в Европе директората четырех держав означает разрыв с «идеалом Лиги Наций», а сам проект пакта предусматривает непосредственную ревизию мирных договоров. Одновременно министр иностранных дел сделал оговорку, означавшую, что он допускает ревизию границ в отношении других стран, но не Чехословакии. Там же. С. 61.

¹⁷ Там же. С. 69–73.

прав в системе, дающей безопасность всем нациям»,¹⁸ и начало переговоров по «пакту четырех» ознаменовали собой угрозу создания крупной коалиции, противоречия между участниками которой могли бы быть предотвращены за счет предоставления Германии возможности вести экспансию на восточном направлении. В Москве опасались, что принятие западноевропейскими державами данной концепции приведет к соглашению оказавшихся в дипломатической изоляции государств Восточной Европы с Германией. Тревогу вызывали и события на Дальнем Востоке. В 1931–1932 гг. японская Квантунская армия оккупировала Маньчжурию, что, в свою очередь, создало угрозу стратегическим позициям СССР в регионе. В сложившейся ситуации в руководящих кругах Советского Союза постепенно возобладало убеждение о необходимости активизировать политику в отношении стран Центральной, Юго-Восточной и Восточной Европы, в том числе и государств Малой Антанты, традиционно рассматривавшихся как «военный кулак», направленный против СССР¹⁹.

Вполне вероятно, что новая попытка сближения между советской и чехословацкой сторонами началась на фоне этих соображений. Не случайно 16 января 1933 г. заведующий политическим отделом МИД ЧСР Павел Велнер обратился к полпреду СССР в Праге Александру Яковлевичу Аросеву (1890–1938) и торгпреду Фрицу Фрицевичу Килевицу (1885–1937) с предложением «начать общие переговоры о торговом договоре, о торговом представительстве и о налогах». Советские представители выразили свое согласие²⁰. В этот же день состоялась их встреча с Э. Бенешем. Последний сам поднял тему о необходимости заключения соглашения, в тексте которого были бы урегулированы все проблемы, связанные с чехословацко-советскими отношениями в области экономики: вопросы об

¹⁸ Постановление конференции пяти держав о равноправии и об участии Германии в конференции по разоружению. Женева, 11 декабря 1932 г. // Сборники документов по международной политике и международному праву. М.: НКВД, 1933. Вып. V: Экономические конференции и соглашения. № 34. С. 138–139.

¹⁹ Кен, Рупасов 2000: 100–101; Voráček, Hubený, Litera 2019: 222.

²⁰ Телеграмма представителя СССР в Чехословакии и торгового представителя СССР в Чехословакии в Народный комиссариат иностранных дел СССР // ДВП СССР. М.: Издательство политической литературы, 1970. Т. 16: 1 января — 31 декабря 1933 г. / ред. кол. Ф. П. Доля, Б. П. Мирошниченко, М. А. Попов [и др.]. № 14. С. 30.

установлении квот на ввоз советских товаров в ЧСР, права торгпредства и его налогообложение²¹.

Вместе с тем в 1933 г. экономическая сторона советско-чехословацких переговоров постепенно отступала на второй план. Во время состоявшейся 16 января беседы Бенеш сообщил полпреду и торгпреду о планируемом совещании членов Малой Антанты в Женеве, в ходе которого предполагалось затронуть «вопрос о признании СССР одновременно всеми членами Малой Антанты», а также о готовности румынского правительства «вслед за пактом немедленно установить и дипломатические отношения с СССР». В связи с этим министр иностранных дел ЧСР предпринял попытку прозондировать вопрос о том, пойдет ли СССР на уступки в формулировке бессарабского вопроса²².

7 и 8 марта 1933 г. состоялись две беседы А. Я. Аросева с Э. Бенешем, во время которых полпред попытался выяснить позицию главы внешнеполитического ведомства ЧСР по вопросу о том, каким образом он видит сближение Малой Антанты с Советским Союзом. Отвечая ему, Бенеш подчеркнул, что если правительство СССР не готово подписать соглашение со всеми членами Малой Антанты, то это можно будет сделать по отдельности с каждым из них. Он заверил Аросева, что Румыния, ранее отвергавшая предлагаемый советской стороной текст пакта о ненападении, теперь была готова принять его формулировку в несколько измененной форме, которая, согласно точке зрения Бенеша, могла бы быть приемлема и для СССР. В столь благоприятных условиях советским дипломатам оставалось лишь предложить проект пакта Чехословакии. Последняя, в свою очередь, тотчас подала бы его на рассмотрение югославского и румынского внешнеполитических ведомств²³.

Советская сторона приняла предложение Бенеша, однако в очередной раз сделала это с крайней осторожностью. Это достаточно хорошо прослеживается в секретной записке Максима Максимовича

---

²¹ Телеграмма представителя СССР в Чехословакии и торгового представителя СССР в Чехословакии в Народный комиссариат иностранных дел СССР // Там же. № 15. С. 30.

²² Там же. С. 31.

²³ Телеграмма представителя СССР в Чехословакии А. Я. Аросева в Народный комиссариат иностранных дел СССР // ДМИСЧО. М.: Наука, 1977. Т. 2: Август 1922 г. — июнь 1934 г. № 434. С. 543.

Литвинова (1876–1951), направленной И. В. Сталину 9 марта 1933 г. Ссылаясь на ряд неясностей, существующих в изложении Аросевым позиции румынской стороны, сделанном со слов Э. Бенеша, М. М. Литвинов предлагал выяснить у министра иностранных дел два момента: 1) приступят ли Чехословакия и Югославия к переговорам с Советским Союзом без Румынии (в том случае, если предложенные Румынией условия имели бы ультимативный характер, советской стороне не имело смысла начинать какие-либо переговоры о пакте); 2) являются ли «выдвинутые Бенешем условия пакта с Румынией» исключительно зондажем с его стороны (в таком случае, полагал нарком иностранных дел, пакт мог бы быть заключен без их упоминания). Примечательно, что дальнейшие переговоры с чехословацкой стороной Литвинов предложил вести не в Праге через А. Я. Аросева, а вынести их на более высокий уровень, проведя их в Женеве. Советскую сторону на них должен был представлять полномочный представитель Советского Союза в Париже Валериан Савельевич Довгалевский (1885–1934), одновременно являвшийся одним из членов советской делегации на конференции по сокращению и ограничению вооружений²⁴.

Доступные на сегодняшний день документы показывают, что Сталин ознакомился с запиской М. М. Литвинова и одобрил высказанное им предложение. Довгалевскому было поручено выяснить позицию Бенеша по следующим четырем вопросам:

1. Готовы ли Чехословакия и Югославия заключить пакт и без Румынии, или настаивают на трех пактах?
2. Имеет ли он единый для всех стран текст или разные с учетом особенностей каждой страны?
3. Имеет ли он (Бенеш. — *П. М.*) в виду вести переговоры от всех трех стран?
4. Принимает ли Румыния теперь текст, который нами сообщен французскому правительству, открытый для подписания в течение четырех месяцев, и в котором Бессарабия не упоминается²⁵?

²⁴ АВП РФ. Ф. 010. Секретариат Н. Н. Крестинского. Оп. 8. П. 33. Д. 97. Л. 8. М. М. Литвинов — И. В. Сталину, Москва, 9 марта 1933 г.

²⁵ Под данной формулировкой М. М. Литвинов, скорее всего, имел в виду проект пакта о ненападении между Советским Союзом и Румынией. Он был выработан в ходе переговоров, происходивших в январе 1932 г. между членом коллегии НКВД Борисом Спиридоновичем Стомоныковым (1882–1941) и румынским поверенным в делах в Риге Михаем Стурдзой (1886–1980), а затем, в сентябре — октябре того же года, между Литвиновым и румынским посланником Виктором Кадере (1891–1980) в Женеве. Во время первого этапа взаимных консультаций стороны договорились оставить

При беседе с Бенешем Довгалеvскому следовало подчеркнуть, что переговоры имеют неофициальный характер, и попросить министра иностранных дел представить ему текст предложенного Аросеv проекта²⁶.

13 марта 1933 г. В. С. Довгалеvский встретился с Э. Бенешем. Глава внешнеполитического ведомства Чехословакии заверил собеседника, что советскому правительству проще было бы начать переговоры с Малой Антантой о едином соглашении о ненападении, в процессе которых обговорить с представителями каждой из входящих в нее стран все имеющиеся между ними и СССР спорные вопросы. После их обсуждения Бенеш предполагал подписать единый договор между Советским Союзом и Малой Антантой. Через несколько недель стороны должны были составить и подписать специальный акт, в котором было бы заявлено о ликвидации взаимных претензий. Кроме того, предусматривалось, что все четыре участника обменяются нотами об установлении дипломатических отношений. Завершая беседу с Довгалеvским, Бенеш отметил, что для него было бы приемлемо и «предложение о трех пактах и о трех отдельных нотах о восстановлении отношений». Принимая во внимание полученные сведения, В. С. Довгалеvский заключил, что при такой постановке вопроса «заклучение пакта откладывается в долгий ящик», а выдвигаемое Бенешем решение «не похоже на реальную программу, рассчитанную на скорое исполнение»²⁷.

Отчет В. С. Довгалеvского был получен НКВД, после чего его руководство выслало полпредам СССР в Париже и Праге новые

бессарабский вопрос за рамками переговорного процесса, что позволило им значительно продвинуться в выработке большей части текста будущего договора. Переговоры были приостановлены после того, как румынская сторона выразила свое несогласие с внесением в проект оговорки о существовании между СССР и Румынией территориальных споров. По той же причине не привели ни к какому результату и встречи между М. М. Литвиновым и В. Кадере в Женеве. См.: *Виноградов В. Н., Ерещенко М. Д., Семенова Л. Е., Покивайлова Т. А.* Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии. Там же. С. 297–298.

²⁶ М. М. Литвинов — В. С. Довгалеvскому, 10 марта 1933 г., Москва // ДМИСЧО. Т. 2. № 435. С. 544.

²⁷ Телеграмма члена советской делегации на конференции по сокращению и ограничению вооружений В. С. Довгалеvского в Народный комиссариат иностранных дел СССР, Женевa, 13 марта 1933 г. // Там же. № 437. С. 545–546.

инструкции. М. М. Литвинов указал Аросеву на очевидность того, что Чехословакия и Югославия не будут подписывать с СССР пакт о ненападении без участия в этой процедуре Румынии, ибо она начала бы настаивать на неприемлемых для советской стороны формулировках в бессарабском вопросе, в связи с чем продолжение переговоров с Чехословакией выглядело бы бессмысленным²⁸.

Более обтекаемая и осторожная формулировка содержалась в телеграмме, направленной В. С. Довгалевскому. Ему предписывалось сообщить Бенешу о готовности СССР заключить со всеми тремя странами пакт о ненападении. Вместе с тем Довгалевский должен был указать главе чехословацкого внешнеполитического ведомства, что советские дипломаты сомневаются в возможности разрешить бессарабский вопрос «по существу», а также договориться с Титулеску, «если он отвергает текст, сообщенный нами французскому правительству». В том случае, если бы Э. Бенеш предложил Довгалевскому проект пакта, полпреду в Париже предлагалось принять его²⁹.

Вторая встреча Довгалевского с Бенешем состоялась 18 марта 1933 г. Полпред СССР в Париже передал своему собеседнику точку зрения советской стороны, изложенную в инструкциях Литвинова. Он заявил о том, что в настоящее время отсутствует благоприятный момент для решения вопроса о Бессарабии. Однако, как следует из записи беседы двух дипломатов, чехословацкий министр иностранных дел не был удовлетворен ответом советской стороны и предложил Довгалевскому отложить переговоры «до более подходящего момента»³⁰. Впрочем, из более позднего письма полпреда в Париже от 9 апреля 1933 г. следует, что Э. Бенеш, коснувшись темы «пакта четырех», заявил, что в том случае, если дипломатам Малой Антанты не удалось бы предотвратить заключение соглашения между Италией, Германией, Францией и Великобританией, для Чехословакии, Югославии

---

²⁸ АВП РФ. Ф. 010. Оп. 8. П. 33. Д. 97. Л. 5–8. М. М. Литвинов — А. Я. Аросеву, Москва, 15 марта 1933 г.

²⁹ М. М. Литвинов — В. С. Довгалевскому, Москва, 17 марта 1933 г. // ДМИСЧО. Т. 2. № 438. С. 546.

³⁰ Запись беседы министра иностранных дел Чехословакии Э. Бенеша с членом советской делегации на конференции по сокращению и ограничению вооружений В. С. Довгалевским относительно пакта о ненападении, Женева, 18 марта 1933 г. // Там же. № 439. С. 547.

и Румынии стал бы актуален вопрос «о заключении в противовес директории другого пакта с участием СССР»³¹.

Новая подвижка в вопросе о заключении пакта между СССР и Малой Антантой была предпринята во второй половине апреля 1933 г. Незадолго до отъезда из Праги в Москву, 23 апреля 1933 г., А. Я. Аросев нанес визит Э. Бенешу, во время которого министр иностранных дел Чехословакии выразил намерение передать советской стороне через бывшего полпреда текст проекта пакта о ненападении³². 4 мая 1933 г. он был направлен в полпредство. В основу предложенного главой внешнеполитического ведомства ЧСР проекта лег «Договор об отказе от войны в качестве орудия национальной политики» (пакт Бриана — Келлога) от 27 августа 1928 г.³³ Следует отметить, что в АВП РФ отложились материалы, косвенно свидетельствующие о получении НКИД проекта Бенеша: в справке, направленной в Москву советским поверенным в делах в Праге Полоцким, содержалась адресованная Литвинову просьба прислать его копию, поскольку таковой не оказалось в полпредстве³⁴.

После отъезда Аросева переговоры о признании СССР *de jure* продолжил новый полпред Сергей Сергеевич Александровский (1889–1945)³⁵, находившийся в Праге с конца мая 1933 г. Инструктируя его, заместитель наркома иностранных дел Николай Николаевич Крестинский (1883–1938) отметил, что для советской стороны настал благоприятный момент для улучшения взаимоотношений с Чехословакией. По мнению Москвы, чехословацкая сторона

³¹ В. С. Довгалецкий — Н. Н. Крестинскому, [Париж], 9 апреля 1933 г. // ДВП СССР. Т. 16. № 113. С. 224–225.

³² АВП РФ. Ф. 010. Оп. 8. П. 33. Д. 97. Л. 9. А. Я. Аросев — М. М. Литвинову, Прага, 15 марта 1933 г.

³³ Там же. Л. 11–15. Пакт о ненападении.

³⁴ Там же. Л. 23. Б. Полоцкий — М. М. Литвинову, Прага, 28 мая 1933 г.

³⁵ Отзыв А. Я. Аросева с поста полпреда в Праге и его фактическое отстранение от переговоров с чехословацким МИД по вопросу о пакте о ненападении были связаны с окончательным обострением его отношений с руководством советского внешнеполитического ведомства и, в первую очередь, с самим М. М. Литвиновым, не согласным с жесткими и категорическими методами, которые этот дипломат предлагал использовать в политическом курсе Советского Союза в отношении Чехословакии. Александровский был назначен полпредом как более гибкий и лояльный человек, уже знакомый с ключевыми проблемами советско-чехословацких отношений (в 1923–1931 гг. он служил в качестве секретаря Советского информационного представительства в Праге). См.: Кен 1996: 62; Кен, Рупасов 2000: 224–225.

рассчитывала, что приход к власти в Германии враждебного по отношению к коммунизму национал-социализма заставит СССР изменить отношение к ней и теперь Советский Союз выступит на стороне Чехословакии. Кроме того, чехословацкое правительство, как союзника Франции, к сближению с СССР подталкивал и факт улучшения советско-французских отношений, в том числе подписания между двумя странами 29 ноября 1932 г. пакта о ненападении. Третьим фактором, указывающим на наличие благоприятных моментов для возобновления переговоров с Чехословакией, мог стать внесенный СССР в Лигу Наций вопрос о заключении конвенции об определении агрессора. Крестинский написал:

Победившие в мировой войне государства, а также государства, возникающие в результате войны, в том числе и Чехословакия, истолковывают это определение как заявление о неприкосновенности установленных в Версале границ и, соответственно, начинают чувствовать к нам за внесение нашего предложения известную симпатию и благодарность³⁶.

Однако представители чехословацкой стороны отнеслись к вопросу о нормализации отношений с СССР довольно сдержанно. В частности, не увенчался успехом зондаж, который Литвинов произвел в Лондоне во время заседаний Международной экономической конференции. 16 июня он получил из Москвы директивы, в которых в ответ на сделанный Бенешем 15 июня очередной запрос сообщалось о согласии советской стороны заключить общий пакт о ненападении с государствами Малой Антанты. При этом советское правительство ставило в качестве условия включение в него формулировок о наличии между сторонами спорных вопросов и возобновлении дипломатических отношений СССР со всеми тремя странами одновременно. Вместе с тем оно, не желая прерывать шедшие параллельно переговоры о пакте ненападения с Италией, рекомендовало в первую очередь подписать советско-итальянский договор «до того, как будут окончены переговоры с Малой Антантой»³⁷.

---

³⁶ АВП РФ. Ф. 010. Оп. 8. П. 33. Д. 97. Л. 25–26. Н. Н. Крестинский — С. С. Александровскому, Москва, 7 июня 1933 г.

³⁷ Н. Н. Крестинский — М. М. Литвинову, [Москва], 16 июня 1933 г. // ДВП СССР. Т. 16. № 183. С. 351–352.

В этот же день нарком иностранных дел встретился с Э. Бенешем, который заявил Литвинову, что договор о ненападении между членами Малой Антанты с одной стороны и Советским Союзом с другой можно заключить лишь при том условии, если все существующие между сторонами спорные моменты подвергнутся одновременному урегулированию. В их число входил и вопрос о Бессарабии. Литвинов отверг предложение Бенеша, отметив, что Советский Союз «готов на пакт со всеми тремя странами, на гарантию ненападения на Румынию с оставлением Бессарабского вопроса открытым»³⁸.

Затягивание Чехословакией переговоров и одновременное выяснение возможностей улучшения взаимоотношений с СССР являлось ее искусным дипломатическим маневром. Его целью могло быть оказание давления на Францию и недопущение подписания ею «пакта четырех». Однако дипломаты Третьей республики заверили коллег в странах Малой Антанты, что одновременно с подписанием пакта Франция предоставит им письменные гарантии о защите их интересов. В результате на конференции государств Малой Антанты, состоявшейся в Праге 29 мая 1933 г., было выражено согласие их дипломатических представителей с «пактом четырех». На следующий день, 30 мая, Постоянный совет Малой Антанты опубликовал декларацию, в которой выразил согласие с редакцией пакта, содержащей французские поправки³⁹.

Тем временем на фоне шедших между Великобританией, Францией, Германией и Италией переговоров по «пакту четырех держав» вновь стала актуальной идея проведения конференции с участием СССР и его западных соседей с целью подписания совместного протокола об определении понятия агрессии⁴⁰. 24 июня 1933 г. в полпредстве СССР в Лондоне состоялась встреча Литвинова с министром иностранных дел Румынии Николае Титулеску (1882–1941) и постоянным представителем Польши в Лиге Наций Эдвардом

---

³⁸ Б. С. Стомоняков — В. А. Антонову-Овсенко, [Москва], 19 июня 1933 г. // Там же. № 186. С. 356.

³⁹ Петерс: 1965: 321.

⁴⁰ Впервые она была предложена НКВД польской стороне в апреле 1933 г. Однако поскольку Польша выдвинула в качестве условия своего участия в конференции правовое урегулирование бессарабского вопроса, претворение в жизнь данного проекта было отложено на некоторое время. См.: Кен, Рупасов 2000: 101–102.

Бернардом Рачинским (1891–1993). Титулеску сообщил главе советского внешнеполитического ведомства о готовности Чехословакии, Румынии и Югославии незамедлительно подписать данный документ. По его мнению, такое решение стало бы своеобразным символом сближения Советского Союза с Малой Антантой, а следующим шагом на данном пути могло бы быть восстановление дипломатических отношений. Глава внешнеполитического ведомства СССР пообещал руководителю румынского МИД дать ответ на данное предложение. При этом он подчеркнул, что советская сторона готова подписать подобное соглашение при условии включения в число его участников остальных граничащих с СССР государств. Со стороны Титулеску никаких возражений не последовало⁴¹, а Рачинский выразил солидарность с позицией румынского дипломата.

На очередной встрече, состоявшейся 26 июня, Литвинов, Рачинский и Титулеску приняли решение о том, что планируемая конвенция должна представлять многостороннее соглашение, составленное на основе принципов, изложенных в докладе комиссии Политиса, озвученном на Женевской конференции по разоружению. Однако уже 28 июня 1933 г., во время очередных переговоров, на которых присутствовал и турецкий министр иностранных дел Тевфик Рюшту Арас (1883–1972), Рачинский заявил о готовности Польши подписать протокол исключительно регионального характера. Тем самым соглашение распространялось бы исключительно на СССР и граничащие с ним государства и не затрагивало бы, в частности, Литву, Чехословакию, Югославию и Францию⁴². В результате дальнейших переговоров стороны пришли к решению оформить два отдельных соглашения. Первая конвенция была подписана 1 июля 1933 г. между СССР, Румынией, Польшей, Латвией, Эстонией, Ираном и Афганистаном⁴³. Второй документ, заключенный 4 июля, подписали СССР,

---

⁴¹ ДВП СССР. Т. 16. С. 844 (прим. 163).

⁴² Телеграмма народного комиссара иностранных дел СССР в НКВД СССР из Лондона, 28 июня 1933 г. // Там же. № 199. С. 373–374.

⁴³ Конвенция об определении агрессии между СССР, Эстонией, Латвией, Польшей, Румынией, Турцией, Персией и Афганистаном // ДВП СССР. Т. 16. № 213. С. 388–392.

Турция, Чехословакия, Румыния и Югославия⁴⁴. Третья конвенция была подписана между СССР и Литвой 5 июля⁴⁵.

Подписание Лондонских конвенций играло довольно значимую роль для отношений СССР с западными лимитрофами. По сути, данная акция стала своеобразным ответом восточноевропейских стран на «пакт четырех держав» и на территориальные притязания Германии. Присутствующее в них определение агрессии, согласно которому ее оправданием не могло служить никакое «соображение политического, военного, экономического или иного порядка»⁴⁶, удовлетворяло правительственные и дипломатические круги стран Восточной Европы, которые оказались перед угрозой ревизии своих границ, установленных в рамках версальско-вашингтонской системы. Более того, содержащаяся в текстах конвенций ссылка на понятие принадлежащей государству территории как находящейся под его «фактической администрацией», вызывала, в частности, удовлетворение Румынии, в составе которой находилась Бессарабия. Особую значимость имел и многосторонний характер конвенции, поскольку после ее принятия любое упоминание о существовании советско-румынского территориального спора становилось неуместным. Со своей стороны правительства ЧСР и Румынии положительно восприняли данную дипломатическую акцию, рассматривая подписанное 4 июля соглашение в качестве замены двусторонних пактов с СССР о ненападении. Таким образом, заключив Лондонские конвенции, советская сторона устранила основное препятствие на пути к нормализации советско-румынских отношений⁴⁷, а следовательно, и к перспективе установления нормальных отношений с ее союзниками по Малой Антанте: Чехословакией и Югославией.

Очевидность возможности достижения в ближайшие сроки полной нормализации отношений в результате подписания Лондонских конвенций способствовала началу нового витка переговоров между ЧСР и СССР. 20 июля 1933 г. чехословацкий посланник

---

⁴⁴ Конвенция об определении агрессии между СССР, Румынией, Чехословакией, Турцией и Югославией // Там же. № 218. С. 405.

⁴⁵ Конвенция об определении агрессии между СССР и Литвой // Там же. № 220. С. 408–411; Кен, Рупасов 2000: 102.

⁴⁶ См., например: Конвенция об определении агрессии между СССР, Румынией, Чехословакией, Турцией и Югославией. С. 405.

⁴⁷ Кен, Рупасов 2000: 102–103.

в Берлине Войтех Мастный (1874–1954) сообщил в Прагу о беседе с советским полпредом Л. М. Хинчуком, который «весьма многообещающе» заявил о благоприятных последствиях заключения Лондонских конвенций для дальнейшего сближения между этими странами в политической и хозяйственной сферах⁴⁸. 23 августа об интересе советской стороны к нормализации отношений с Чехословакией сообщил и заместитель наркома иностранных дел Н. Н. Крестинский. Чехословацкая сторона выразила готовность начать переговоры. Для их ведения в качестве представителя ЧСР был назначен занимавший на тот момент должность заместителя заведующего политической секцией министерства иностранных дел Б. Павлу. Однако произведенный им зондаж обстановки успеха не имел. Более к того, к сентябрю стало ясно, что переговоры вновь зашли в тупик. 20 сентября 1933 г. Э. Бенеш направил в полпредство Чехословакии в СССР телеграмму, в которой заявил, что, несмотря на положительное отношение к признанию СССР *de jure* Министерством иностранных дел Чехословацкой республики, из-за существующих в стране трудностей внутривнутриполитического характера «проблема признания Советской России находится <...> в прежней стадии»⁴⁹.

Тем временем международная ситуация на европейской политической арене продолжала ухудшаться. 14 октября 1933 г. германское Министерство иностранных дел в ответ на отказ Франции ратифицировать «пакт четырех» и поддержку Великобританией и США французских поправок в план разоружения заявило о выходе своей страны из Лиги Наций. Это событие ознаменовало очередной кризис версальской системы международных отношений. В сложившейся ситуации правительство Чехословакии вновь стало рассматривать возможность сближения с Советским Союзом. Так, 25 ноября 1933 г. во время беседы с В. С. Довгалевским Э. Бенеш пообещал поставить вопрос о нормализации отношений с СССР во время ближайшего заседания Постоянного совета Малой Антанты⁵⁰.

⁴⁸ Amort (red.) 1975: 241.

⁴⁹ Телеграмма министра иностранных дел Чехословакии Э. Бенеша полномочному представителю Чехословакии в СССР по вопросу о признании СССР *de-jure* // ДМИСЧО. Т. 2. № 445. С. 550–553.

⁵⁰ Письмо советника полномочного представителя СССР во Франции заместителю народного комиссара иностранных дел СССР Н. Н. Крестинскому // ДВП СССР.

Вместе с тем на пути к нормализации отношений между ЧСР и СССР по-прежнему продолжал существовать ряд препятствий, касавшихся в том числе и затруднений в сфере международной торговли. Полпред С. С. Александровский в письме Н. Н. Крестинскому от 28 июля 1933 г. отметил, что до 1931–1932 гг. советская сторона рассматривала Чехословакию исключительно как страну для размещения своих заказов, в связи с чем имела с ней «резко выраженный пассив торгового баланса»⁵¹. Однако начиная с 1933 г. Советский Союз начал увеличивать объемы экспорта своей продукции в ЧСР. К концу первого полугодия 1933 г. соотношение советского экспорта в ЧСР и импорта из ЧСР находилось «в соотношении 8 или 9 к 1-му»⁵². Правительство Чехословакии, экономика которой традиционно была ориентирована на экспорт⁵³, стремясь добиться актива в торговле с СССР в свою пользу и действуя в русле политики протекционизма, начало применять в отношении советского экспорта лицензионную систему на ввоз товаров. Хозяйственный департамент Министерства иностранных дел ЧСР урезал квоты на ввоз из СССР таких товаров, как антрацит (2 тыс. т вместо 6 тыс.), томасова мука⁵⁴ (3 тыс. т вместо 6 тыс.), анилиновое масло (10 т вместо 20 т)⁵⁵. Кроме того, максимальные ввозные пошлины были введены Советом министров республики и на керосиновый дистиллят. Беспокойство у советского дипломатического представителя вызывали и слухи об исключении из списков товаров, подлежащих свободному ввозу, льна и руды⁵⁶. Констатируя очевидность попытки чехословацкой дипломатии оказать давление на СССР с целью добиться заключения торгового договора на выгодных для ЧСР условиях, Александровский поставил вопрос о «своевременности торговых переговоров и торговом договоре с Чехословакией», которые, согласно его мнению, должны были начаться осенью, когда в стране произошло бы обострение

Т. 16. № 390. С. 684–685.

⁵¹ АВП РФ. Ф. 010. Оп. 8. П. 33. Д. 97. Л. 57. С. С. Александровский — Н. Н. Крестинскому, Прага, 28 июля 1933 г.

⁵² Там же.

⁵³ Najková, Horak (eds) 2018: 409; 759.

⁵⁴ *Томасова мука* — фосфористое удобрение, получаемое при производстве чугуна по методу английского инженера Сидни Гилкрита Томаса (1850–1885).

⁵⁵ АВП РФ. Ф. 010. Оп. 8. П. 33. Д. 97. Л. 59. С. С. Александровский — Н. Н. Крестинскому, Прага, 28 июля 1933 г.

⁵⁶ Там же. Л. 59; 60–61.

ряда «внутриполитических» вопросов и можно было бы ожидать «некоторых сдвигов и во внутриполитических проблемах»⁵⁷.

Расчеты советского полпреда оправдались. В сентябре-октябре 1933 г. к нему обратился политический референт Восточного отдела МИД ЧСР Йозеф Благож с предложением начать переговоры о признании Чехословакии и Советского Союза торгово-договорными странами⁵⁸. Советская сторона проявила внимание к разработанному чехословацкой дипломатией проекту. 14 ноября 1933 г. по результатам опроса своих членов Политбюро ЦК ВКП(б) постановило принять предложенный Благожем проект. 17 ноября Н. Н. Крестинский известил С. С. Александровского о решении Москвы. Там полагали, что обмен заявлениями о статусе СССР и Чехословакии как торгово-договорных стран был бы выгоден советской стороне лишь в том случае, если бы ЧСР предоставила ей по экспорту «те же таможенные ставки, которыми пользуются настоящие торгово-договорные страны» и если бы на СССР были распространены те же торговые преимущества, которыми они пользовались. Такое решение было вызвано тем, что советская сторона опасалась возникновения ситуации, при которой Чехословакия восприняла бы согласие полпреда на заключение торгового договора как готовность Советского Союза начать переговоры «без возобновления дипотношений». Вместо этого Александровскому поручалось попытаться «навести» Благожа на то, чтобы он сам поставил этот вопрос перед полпредом. В том случае, если бы последний проявил инициативу, полпреду следовало заявить, что его предложение является дискутабельным, и в том случае, если бы чехословацкое правительство обратилось к советскому правительству с ним официально, оно бы отнеслось к нему благожелательно. Однако если бы Благож не повторил свою инициативу или же МИД не солидаризировался бы с ним и не сделал официального предложения, НКВД посчитал бы зондаж Александровского неудавшимся и вновь встал бы на путь ожидания «изменений общей обстановки в отношениях между СССР и Чехословакией»⁵⁹.

⁵⁷ Там же. Л. 62.

⁵⁸ Кен, Рупасов 2000: 400.

⁵⁹ АВП РФ. Ф. 010. Секретариат Н. Н. Крестинского. Оп. 8. П. 33. Д. 97. Л. 97. Н. Н. Крестинский — С. С. Александровскому, Москва, 17 ноября 1933 г.; Кен, Рупасов 2000: 400.

По всей вероятности, новое предложение от Й. Благожа или МИД ЧСР полпреду так и не поступило. На это указывает то обстоятельство, что 2 декабря 1933 г. во время заседания коллегии Народного комиссариата иностранных дел, в котором принимал участие и Александровский, было принято решение «не давать чехам заказов, по крайней мере первый квартал 1934 г.». Кроме того, НКИД принял постановление о сокращении штатов торгпредства в Праге на 40%. Тем самым советская сторона, воспользовавшись обстановкой экономического кризиса, намеревалась указать на невозможность чехословацких правительственных кругов рассчитывать на развитие торгово-экономических отношений в той обстановке, когда СССР фактически воспринимался как «бездоговорная» страна. Кроме того, данные меры, по замыслам советских дипломатов, должны были активизировать шедшую в ЧСР кампанию за признание Советского Союза *de jure*⁶⁰.

Расчеты НКИД на то, что данные меры принесут желаемый эффект, оправдались. Из писем С.С. Александровского и советника представительства СССР в Чехословакии Александра Федоровича Ильина-Женевского (1894–1941) следует, что конец декабря 1933 – начало января 1934 г. ознаменовались значительным усилением общественного движения в пользу признания Советского Союза *de jure*⁶¹. Особенно ярко это прослеживается в письме Александровского Крестинскому от 27 января 1934 г., в котором полпред отметил, что кампания за признание СССР в чехословацкой прессе продолжается «с неослабеваемой энергией». Тон критики в адрес Советского Союза и его признания снизился и Национально-демократическая партия Чехословакии. На повестку дня был вынесен и вопрос о развитии хозяйственных отношений с СССР и необходимости подписания торгового соглашения, к продвижению которого присоединились и представители занимающей ведущие позиции в правительственной коалиции аграрной партии⁶².

Тем временем продолжались переговоры Чехословакии с союзниками по Малой Антанте относительно признания Советского

⁶⁰ Кен, Рупасов 2000: 401.

⁶¹ А.Ф. Ильин-Женевский – Н.Н. Крестинскому, Прага, 12 декабря 1933 г. // ДМИСЧО. Т. 2. № 454. С. 568–570; С.С. Александровский – Н.Н. Крестинскому, Прага, 27 января 1934 г. // Там же. № 457. С. 572–575.

⁶² С.С. Александровский – Н.Н. Крестинскому, Прага, 27 января 1934 г. // Там же. № 457. С. 573–574.

Союза, во время которых было принято решение вынести данный вопрос на заседание конференции министров иностранных дел Малой Антанты в Загребе. Она состоялась 22 января 1934 г. Сообщая об итогах заседания в Прагу, Э. Бенеш в циркулярной телеграмме заявил о том, что настал подходящий момент для нормализации отношений Чехословакии, Румынии и Югославии с СССР.⁶³ По его мнению, Чехословакия и Югославия могли бы сделать это путем простого назначения послов в Москву. Оставалось лишь дождаться того момента, когда Румыния пришла бы к окончательному соглашению с советской стороной. Что же касается ЧСР, то, по словам Бенеша, правительство Первой республики со своей стороны делает все необходимое для проведения данной процедуры, в том числе разрабатывает проект нового торгового договора⁶⁴.

Следуя обозначенным Постоянным советом Малой Антанты директивам, чехословацкое правительство начало переговоры с СССР. Еще 7 февраля 1934 г. Э. Бенеш заявил С. С. Александровскому о том, что дал заведующему экономическим отделом Фридману соответствующее распоряжение⁶⁵. 7 марта 1934 г. последний представил советскому полпреду проект, основанный на советско-германском и советско-норвежском торговых соглашениях. В нем были отражены все вопросы, вокруг которых до этого велись советско-чехословацкие переговоры: «наибольшее благоприятствование, поселение и правовая защита граждан, мореплавание, торговые знаки, права торговых обществ». Также Фридман предложил отобразить статус торгпредства и проблемы, связанные с авторским правом⁶⁶.

Окончательный текст проекта торгового договора был передан советскому дипломатическому представительству в Праге в середине

---

⁶³ Согласно официальному решению, принятому Бенешем, Титулеску и Ефтичем, восстановление дипломатических отношений с СССР могло бы рассматриваться в качестве своевременного лишь в случае, когда «будут налицо необходимые политические и дипломатические условия». См.: Примечание 44 // ДВП СССР. Т. XVI. С. 775.

⁶⁴ Циркулярная телеграмма министра иностранных дел Чехословакии Э. Бенеша о заседании представителей стран Малой Антанты в Загребе // ДМИСЧО. Т. 2. № 454. № 458. С. 575–576.

⁶⁵ Запись беседы представителя СССР в Чехословакии С. С. Александровского с министром иностранных дел Чехословакии Э. Бенешем, Прага, 7 февраля 1934 г. // Там же. № 459. С. 576.

⁶⁶ АВП РФ. Ф. 05. Секретариат М. М. Литвинова. Оп. 14. П. 102. Д. 102. Л. 35. Запись разговора с Фридманом 7-го марта 1934 г., Прага, 8 марта 1934 г.

марта 1934 г.⁶⁷ Однако в начале апреля 1934 г. советское правительство в очередной раз дало понять Чехословакии, что, пока между сторонами не будет достигнуто определенного согласия об их политических отношениях, оно не пойдет на урегулирование взаимных отношений в экономической сфере⁶⁸.

Тем временем политическая ситуация на международной арене вновь изменилась. Во второй половине 1934 г. Французская Республика возобновила переговоры с СССР о совместных действиях по сдерживанию германской опасности. Центральное место в нем заняло обсуждение вопроса о проекте Восточного пакта, начатого еще осенью 1933 г. министром иностранных дел Ж. Поль-Бонкурром. 28 апреля 1934 г. политический директор МИД Третьей республики Алексис Леже (1887–1975) предложил советской стороне французский проект данного регионального соглашения, который впоследствии был скорректирован в ходе дальнейших франко-советских переговоров. Его основу должны были составить два договора о взаимной помощи: пакт между СССР, Германией, Польшей, Чехословакией, Финляндией, Эстонией, Латвией и Литвой и франко-советский договор. В отношении первого соглашения Третья республика брала на себя определенные обязательства, хотя и не была его непосредственным участником. Проект предусматривал вступление СССР в Лигу Наций. В ответ на французские гарантии Советский Союз обязывался оказать помощь Франции в той мере, «как если бы он был участником Локарнского договора 1925 г.»⁶⁹.

Участие Польши и Чехословакии в новой системе взаимопомощи мыслилось французскими и советскими дипломатами как одна из гарантий возобновления союза между Россией и Францией, а также его действенности. Однако главной трудностью, с которой столкнулись Москва и Париж, стал отказ польской стороны играть отведенную ей в рамках данного регионального соглашения роль младшего партнера. В конце 1933 — начале 1934 г. с целью укрепить международное положение Польши Юзеф Пилсудский (1867–1935) согласился

⁶⁷ Amort (red.) 1975: 246.

⁶⁸ Н. Н. Крестинский — С. С. Александровскому, Москва, 17 марта 1934 г. // ДМИСЧО. Т. 2. № 465. С. 586.

⁶⁹ Борьба СССР за коллективную безопасность в Европе в 1933–1935 годах. Переговоры о Восточном пакте (1933–1935 годы): подборка документов // Международная жизнь. 1963. № 6. С. 158

пойти на временный компромисс с Германией. 26 января 1934 г. была подписана польско-германская декларация об отказе от применения силы при разрешении двусторонних споров. Этот шаг укрепил позиции польской стороны на переговорах с Францией и СССР, ход которых впоследствии показал, что польское правительство не согласится с франко-советским сценарием укрепления европейской безопасности⁷⁰.

В этих условиях большое значение приобрела поддержка данного проекта чехословацкой дипломатией, заинтересованной в сохранении версальского *status quo* в Европе и поэтому внимательно следившей за франко-советскими переговорами по Восточному пакту с самого их начала осенью 1933 г. Советские дипломаты прекрасно понимали, что при отклонении Варшавой предложения принять участие в Восточном пакте ЧСР становилась единственным связующим звеном между СССР и Францией. Принимая во внимание это обстоятельство, равно как и отсутствие надежд на принятие польской стороной франко-советского плана укрепления системы безопасности в Европе, советские государственные деятели и дипломаты приступили к деятельности по окончательному урегулированию отношений между СССР и ЧСР. Что же касается Э. Бенеша, то и он на фоне неуспеха в польско-чехословацких переговорах принял решение пойти на заключение договоренности с Советским Союзом.

20 апреля 1934 г. чехословацкое правительство выразило согласие с проектом Восточного пакта⁷¹, а 31 мая сообщило о готовности принять участие в данном региональном соглашении даже в случае отрицательного отношения к нему Германии⁷². Одновременно находившиеся в Женеве в качестве участников международной конференции по разоружению Литвинов и Бенеш достигли соглашения о формуле признания. 6 июня 1934 г. министр иностранных дел ЧСР запросил у своего правительства согласие на осуществление признания СССР *de jure* независимо от других членов Малой Антанты. Правительство одобрило предложение Бенеша⁷³. На следующий день, 7 июня, официальное согласие установить дипломатические

⁷⁰ Кен 1996: 83.

⁷¹ Amort (red.) 1975: 247.

⁷² Борьба СССР за коллективную безопасность // Международная жизнь. 1963. № 6. С. 156.

⁷³ Петерс 1965: 334; Amort (red.) 1975: 247.

отношения с Чехословакией выразила и советская сторона. 8 июня состоялось совещание Литвинова с министрами иностранных дел ЧСР, Румынии и Югославии, в ходе которого стороны подвели итоги дискуссий об установлении дипломатических отношений с Советским Союзом. Страны Малой Антанты приняли решение произвести данную акцию отдельно друг от друга. При этом Белград решил отсрочить нормализацию отношений с СССР на неопределенный срок.

9 июня 1934 г., после получения соответствующих санкций Политбюро ЦК ВКП(б) и правительства Чехословацкой республики, М. М. Литвинов и Э. Бенеш произвели обмен нотами. В них стороны заявляли об установлении нормальных дипломатических отношений и обмене представителями, которым присваивался ранг «чрезвычайного посланника и полномочного министра»⁷⁴. К ним прилагались два официальных письма, оговаривающих принципы, которых стороны должны были придерживаться при осуществлении контактов друг с другом. Правительства СССР и ЧСР обязались уважать суверенитет обеих стран и не вмешиваться, прямо или косвенно, «во внутренние дела и в развитие каждой из них». Кроме того, в документах был обозначен запрет на создание, поддержку или же предоставление разрешения пребывать на своей территории организациям, имеющим целью «вооруженную борьбу против другого государства, либо покушающихся силой на [его] общественный и политический строй». Стороны заявили о прекращении и окончательной ликвидации взаимных финансовых претензий, «проистекающих из событий войны и революции»⁷⁵, равно как и «применения революционного законодательства в обеих странах»⁷⁶. В переговорах, касавшихся взаимных экономических и торговых отношений и экономических интересов обеих стран и их граждан, они обязались придерживаться тех же принципов, что применялись в ходе решения аналогичных вопросов с другими государствами, «с которыми они поддерживают нормальные дипломатические

⁷⁴ Обмен нотами между Правительством СССР и Правительством Чехословацкой республики об установлении дипломатических отношений // ДМИСЧО. Т. 2. № 475. С. 593–594.

⁷⁵ АВП РФ. Ф. 05. Оп. 12. П. 102. Д. 102. Л. 16–17; 20.

⁷⁶ Там же. Л. 20.

отношения». При этом они не должны были затрагивать те соглашения, которые СССР и Чехословакия заключили с третьими странами⁷⁷.

Таким образом, исследуя завершающий период в переговорах о нормализации советско-чехословацких отношений, следует отметить то обстоятельство, что формулировка позиции представителей чехословацкого МИД относительно признания Советского Союза во многом зависела от изменений, происходивших на международной арене в 1933–1934 гг. Изучая данный вопрос, возглавляемое Э. Бенешем чехословацкое внешнеполитическое ведомство ориентировалось на союзников ЧСР по Малой Антанте: Румынию и Югославию. В июне 1934 г. после длительной стадии переговоров между СССР и Чехословакией были установлены дипломатические отношения, и с этого момента перед правительствами обеих стран встал вопрос об их дальнейшем развитии. Происходившие с июня 1934 по май 1935 г. финальные консультации по вопросам признания друг друга торгово-договорными странами и организации взаимного сотрудничества, которые осуществлялись на фоне участия СССР и ЧСР в переговорах по проекту Восточного пакта, завершились в 1935 г. подписанием между ними договоров о торговле и мореплавании и о взаимной помощи. Заключение данных соглашений ознаменовало собой начало нового этапа в истории советско-чехословацких отношений межвоенного периода.

Список сокращений

ДВП СССР — Документы внешней политики СССР

ДМИСЧО — Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений

АВП РФ — Архив внешней политики Российской Федерации, Москва

Литература

Белоусова 1976 — *Белоусова З.С.* Франция и европейская безопасность, 1919–1939 гг. М.: Наука, 1976. 418 с.

Кен 1996 — *Кен О.Н.* Чехословакия в политике Москвы (1932–1936 гг.): к новой постановке проблемы // Россия. XXI: общественно-политический и научный журнал. 1996. № 7–8. С. 52–70; № 11–12. С. 82–112.

---

⁷⁷ Там же. Л. 17.

- Кен 1997 — *Кен О.Н.* Чехословакия в политике Москвы (1932–1936 гг.): к новой постановке проблемы // Россия. XXI: общественно-политический и научный журнал. 1997. № 1–2. С. 62–86.
- Кен, Рупасов 2000 — *Кен О.Н., Рупасов А.И.* Политбюро ЦК ВКП(б) и отношения СССР с западными соседними государствами (конец 1920–1930-х гг.): Проблемы. Документы. Опыт комментария. СПб.: Европейский дом, 2000. Ч. 1: Декабрь 1928 — июнь 1934. 701 с.
- Кизченко 1972 — *Кизченко А.Ф.* Внешняя политика Чехословакии накануне Второй мировой войны (май 1935 — март 1939 г.): дис. ... докт. ист. наук. Киев, 1972. 596 с. (рукопись)
- Кургуныян 1973 — *Кургуныян Т.А.* «Пакт четырех» и чехословацкая дипломатия // Советское славяноведение. 1973. №3. С. 19–30.
- Марына 2013 — *Марына В.В.* Второй президент Чехословакии Эдвард Бенеш: политик и человек, 1884–1948. М.: Индрик, 2013. 486 с.
- Морозов 2004 — *Морозов С.В.* Польско-чехословацкие отношения, 1933–1939: что скрывалось за политикой «равноудаленности» министра Ю. Бека. М.: Издательство Московского университета, 2004. 527 с.
- Петерс 1965 — *Петерс И.А.* Чехословацко-советские отношения (1918–1934). Киев: Наукова думка, 1965. 346 с.
- Прасолов 1968 — *Прасолов С.И.* Договор о взаимной помощи между Советским Союзом и Чехословакией 1935 г. // Советско-чехословацкие отношения между двумя войнами. Из истории государственных, дипломатических, экономических и культурных связей / под. ред. С. И. Прасолова и П. И. Резонова. М.: Наука, 1968. С. 135–201.
- Резонов 1952 — *Резонов П.И.* Чехословакия в 1918–1951 годах: лекции, прочитанные в ВППШ при ЦК ВКП(б). М.: б. и., 1952. 52 с.
- Серапионова 2020 — *Серапионова Е.П.* Чехословакия и вопрос о признании Советской России в начале 1920-х гг. // Чехословакия и Советская Россия на обломках империй / отв. ред. Е. П. Серапионова. М.: Полимедиа, 2020. С. 148–162.
- Случ 2007 — *Случ С.З.* Сталин и Гитлер, 1933–1941: расчеты и просчеты Кремля // Отечественная история. 2007. № 4. С. 98–119.
- Станков 2007 — *Станков Н.Н.* Дипломатические отношения Веймарской республики и Чехословакии, 1918–1924. Волгоград: Волгоградский государственный университет, 2007. 469 с.
- Amort (red.) 1975 — *Přehled dějin československo-sovětských vztahů v údobí 1917/1939 / zprac. Č. Amort a kol.* Praha: Academia, 1975. 465 s.
- Dejmek 2001 — *Dejmek J.* Edvard Beneš a fenomen Ruska mezi světovými válkami // Slovanský přehled. 2001. Roč. 87. Č. 2. S. 165–188.
- Dejmek 2006 — *Dejmek J.* Edvard Beneš: politická biografie českého demokrata. Praha: Karolinum, 2006. Část 1: Revolucionář a diplomat (1884–1935). 631 s.

- Ferenčuhová 2000 — *Ferenčuhová B.* Louis Barthou a československá zahraniční politika roku 1934 // *Evropa mezi Německem a Ruskem*. Sborník prací k sedmdesatinám Jaroslava Valenty / red. M. Šesták, E. Voráček. Praha: Historický ústav AV ČR, 2000. S. 339–354.
- Hajková, Horak (eds) 2018 — *Republika Československá, 1918–1939* / eds D. Hajková, P. Horak. Praha: NLN, s. r. o, 2018.
- Klímeček, Kubů 1995 — *Klímeček A., Kubů E.* Československá zahraniční politika, 1918–1938. Kapitoly z dějin mezinárodních vztahů. Praha: Institut pro středoevropskou kulturu a politiku, 1995. 115 s.
- Král 1970 — *Král V.* Spojenectví československo-sovětské v evropské politice, 1935–1939. Praha: Academia, 1970. 483 s.
- Lukeš 1999 — *Lukeš I.* Československo mezi Stalinem a Hitlerem: Benešova cesta k Mnichovu. Praha: Prostor, 1999. 374 s.
- Moulis 1965 — *Moulis V.* Ke vzniku československo-sovětské spojenecké smlouvy z roku 1935 // *Slovanský přehled*. 1965. Roč. 51. Č. 3. S. 703–731.
- Ort 1955 — *Ort A.* Dvacaté výročí československo-sovětské smlouvy o vzájemné pomoci // *Sovětská věda: Historie*. 1955. Roč. 5. Č. 3–4. S. 375–389.
- Olivová 1965 — *Olivová V.* Československo-sovětská smlouva z r. 1935 // *Československý časopis historický*. 1965. №. 4. S. 477–500.
- Voráček, Hubený, Litera 2019 — *Voráček E., Hubený D., Litera B.* V zájmu velmoci: Československo a Sovětský svaz, 1918–1948. Praha: Historický ústav, 2019. 676 s.

References

- Belousova, Z. S., 1976. *Frantsiia i evropejskaia bezopasnost', 1919–1939 gg.* [France and European Security, 1919–1939]. Moscow: Nauka, 418 p. (in Rus.)
- Dejmek, J., 2006. *Edvard Beneš: politická biografie českého demokrata, 1, Revolucionář a diplomat (1884–1935)*. Praha: Karolinum, 631 p.
- Dejmek, J., 2001. Edvard Beneš a fenomen Ruska mezi světovými válkami. *Slovanský přehled*, 87, 2, pp. 165–188.
- Ferenčuhová, B., 2000. Louis Barthou a československá zahraniční politika roku 1934. In: Šesták, M., Voráček, E., eds. In: *Evropa mezi Německem a Ruskem. Sborník prací k sedmdesatinám Jaroslava Valenty*. Praha: Historický ústav AV ČR, pp. 339–354.
- Hajková, D., Horak, P., eds, 2018. *Republika Československá, 1918–1939*. Praha: NLN, s. r. o, 1020 p.
- Ken, O. N., 1996–1997. Chekhoslovakiia v politike Moskvy (1932–1936 gg.): k novoi postanovke problemy [Czechoslovakia in Moscow's politics (1932–1936): Towards a new formulation of the problem]. *Rossia. XXI: obshchestvenno-politicheski i nauchnyi zhurnal*, 7–8, pp. 52–70; 11–12, pp. 82–112; 1–2, pp. 62–86. (in Rus.)

- Ken, O.N., Rupasov, A.I., 2000. *Politbiuro TsK VKP(b) i otnosheniia SSSR s zapadnymi sosednimi gosudarstvami (konets 1920–1930-kh gg.): Problemy. Dokumenty. Opyt kommentarii* [Politburo of the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) and the relations of the USSR with Western neighboring states from the late 1920s to the 1930s): Problems. Documents. Commentary experience], 1, *Dekabr' 1928 – iun' 1934* [December 1928 – June 1934] Saint Petersburg: Evropeiskii dom, 701 p. (in Rus.)
- Kizchenko, A. F., 1972. *Vneshniaia politika Chekhoslovakii nakanune Vtoroi mirovoi voiny (mai 1935 – mart 1939 g.): dis. ... dokt. ist. nauk* [Foreign policy of Czechoslovakia on the eve of World War II (May 1935 – March 1939). PhD thesis]. Kiev, 596 p. (manuscript) (in Rus.)
- Klimek, A., Kubů, E., 1995. *Československá zahraniční politika, 1918–1938. Kapitoly z dějin mezinárodních vztahů*. Praha: Institut pro středoevropskou kulturu a politiku, 115 p.
- Král, V., 1970. *Spojenectví československo-sovětské v evropské politice, 1935–1939*. Praha: Academia, 483 p.
- Kurgun'ian, T. A., 1973. “Pakt chetyrekh” i chekhoslovatskaia diplomatia [The Four-Power Pact and the Czechoslovak diplomacy]. *Sovetskoe slavianovedenie*, 3, pp. 19–30. (in Rus.)
- Lukeš, I., 1999. *Československo mezi Stalinem a Hitlerem: Benešova cesta k Mnichovu*. Praha: Prostor, 374 p.
- Mar'ina, V. V., 2013. *Vtoroi prezident Chekhoslovakii Edvard Benesh: politik i chelovek, 1884–1948* [The Second President of Czechoslovakia Edvard Beneš: Politician and Person, 1884–1948]. Moscow: Indrik, 486 p. (in Rus.)
- Morozov, S. V., 2004. *Pol'sko-chekhoslovatskie otnosheniia, 1933–1939: chto skryvalos' za politikoi “ravnoudalennosti” ministra Iu. Beka* [Polish-Czechoslovak relations, 1933–1939: what was hidden behind the policy of “equidistance” of Minister J. Beck]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 527 p. (in Rus.)
- Moulis, V., 1965. Ke vzniku československo-sovětské spojenecké smlouvy z roku 1935. *Slovanský přehled*, 51, 3, pp. 703–731.
- Olivová, V., 1965. Československo-sovětská smlouva z r. 1935. *Československý časopis historický*, 4, pp. 477–500.
- Ort, A., 1955. Dvacaté výročí československo-sovětské smlouvy o vzájemné pomoci. *Sovětská věda: Historie*, 5, 3–4, pp. 375–389.
- Peters, I. A., 1965. *Chekhoslovatsko-sovetskie otnosheniia (1918–1934)* [Czechoslovak-Soviet relations (1918–1934)]. Kiev: Naukova dumka, 346 p. (in Rus.)
- Prasolov, S. I., 1968. Dogovor o vzaimnoi pomoshchi mezhdú Sovetskim Soiuzom i Chekhoslovakiei 1935 g. [The Treaty of Mutual Assistance between the Soviet Union and Czechoslovakia in 1935]. In: Prasolov, S. I., Rezonov, P. I., eds. *Sovetsko-chekhoslovatskie otnosheniia mezhdú dvumia vojnami. Iz istorii gosudarstvennykh, diplomaticheskikh, ekonomicheskikh i kul'turnykh svyazei*

- [Soviet-Czechoslovak relations between the two wars. From the history of state, diplomatic, economic and cultural relations]. Moscow: Nauka, pp. 135–201. (in Rus.)
- Rezonov, P.I., 1952. *Chekhoslovakiia v 1918–1951 godakh: lektzii, pročitannye v VPSH pri TsK VKP(b)* [Czechoslovakia in 1918–1951: lectures delivered at the Higher Party School under the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks]. Moscow: s. n., 52 p. (in Rus.)
- Serapionova, E. P., 2020. Chekhoslovakiia i vopros o priznanii Sovetskoi Rossii v nachale 1920-kh gg. [Czechoslovakia and the question of the recognition of Soviet Russia in the early 1920s.]. In: Serapionova, E. P., ed., 2020. *Chekhoslovakiia i Sovetskaia Rossiia na oblomkakh imperii* [Czechoslovakia and Soviet Russia on the rubble of empires]. Moscow: Polimedia, pp. 148–162. (in Rus.)
- Sluch, S. Z., 2007. Stalin i Gitler, 1933–1941: raschety i proshchety Kremliia [Stalin and Hitler, 1933–1941: Calculations and miscalculations of the Kremlin]. *Otechestvennaia istoriia*, 4, pp. 98–119. (in Rus.)
- Stankov, N. N., 2007. *Diplomaticheskie otnosheniia Veimarskoi respubliki i Chekhoslovakii, 1918–1924* [Diplomatic relations between the Weimar Republic and Czechoslovakia, 1918–1924]. Volgograd: Volgogradskii gosudarstvennyi universitet, 469 p. (in Rus.)
- Voráček, E., Hubený, D., Litera, B., 2019. *V zájmu velmoci: Československo a Sovětský svaz, 1918–1948*. Prague: Historický ústav, 676 p.

Petr V. Moshechkov

PhD, Research Fellow, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. 119334, Leninskii Prospekt, 32A.
E-mail: pmoshechkov@yandex.ru

Czechoslovakia and the USSR in 1933 – June 1934: On the Way to Establishing Diplomatic Relations

The subject of the present study is the process of normalisation of the relations between the Soviet Union and Czechoslovakia in 1933 – June 1934. Regarding the historiography of the problem it should be stressed that in the Russian as well as in the Czech and Slovak historiography exists a considerable part of scientific works which are concerned with this problem. Among them we can mark such works which were written in the 1950s – 1970s by Czechoslovak (A. Ort, V. Moulis, V. Olivová, V. Král) as well as Soviet (P. I. Rezonov, S. I. Prasolov, A. F. Kizchenko, I. A. Peters) historians. The modern Czech and Slovak works are presented by monographs and articles by A. Klímek, E. Kubů, B. Ferenčuhová, J. Dejmeš, E. Voráček, D. Hubený and B. Litera. In contemporary Russian historical science the problem of Czechoslovak–Soviet relations in the middle of interwar period was studied by O. N. Ken and A. I. Rupasov. However, their studies are mainly concentrated on the circumstances of signing on 16 May 1935 of the Soviet–Czechoslovak treaty of mutual assistance on the background of the Franco-Soviet cooperation and the discussion of the project of the Eastern Pact. In this connection the main object of this study became the reconstruction of the process of talks which were carried on by Soviet diplomats with their Czechoslovak colleagues. The principal sources for this article are the materials presented in the fonds of the Archive of the foreign politics of Russian Federation and published in such collections as *Documents and materials on the history of Soviet–Czechoslovak relations* and *Documents on the USSR foreign policy*. The study shows that the politics led by Soviet as well as Czechoslovak governments toward each other, especially the adoption of concrete decisions, depended on the fluctuations, which took place in the European international policy.

Keywords: Soviet–Czechoslovak relations, Soviet–French relations, Eastern Pact, London Conventions, League of Nations, Ministry of Foreign Affairs of the Czechoslovak Republic, People's Commissariat of Foreign Affairs of the USSR

How to cite: Moshechkov, P. V., 2021. Chekhoslovakiia i SSSR v 1933 – i iune 1934 g.: na puti k ustanovleniiu diplomaticheskikh otnoshenii. *Tsentral'noevropeiskie issledovaniia*, 2021, 4(13), pp. 242–272. doi: 10.31168/2619-0877.2021.4.10.